

УДК 323.212

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.П. Игнатьев

Аннотация

Достижения демократического транзита во многом измеряются состоянием развитости структур гражданского общества, институционализацией его взаимодействия с властью. Выявление последнего обстоятельства представляет собой цель данной статьи. В ней рассматривается, какое место в системе гражданского общества занимают группы интересов, закрепляющие процесс его формирования. Отмечены те заметные позитивные шаги в укреплении диалога гражданского общества и власти, предпринятые в период президентства В. Путина. Но на пути этого диалога в современной России, как выявляется в статье, лежит много преград, коренящихся и в ее историческом прошлом, и в авторитарных устремлениях со стороны власти, и в культурных основаниях российских граждан. Логичен вывод о том, что их преодоление становится насущной задачей на ближайшую перспективу развития России, обоюдной заботой как структур гражданского общества, так и нового политического руководства страны.

Ключевые слова: гражданское общество, группы интересов, демократический транзит, политическая власть, политическая система, политические институты, правовое государство.

Начав демократический транзит 20 лет назад, Россия вновь оказалась на перепутье между демократией и авторитаризмом и не может четко определить себя с вектором своего дальнейшего движения. В подобных случаях лучшим индикатором направленности движения, как свидетельствует опыт демократической транзиции в посткоммунистических странах, может служить состояние гражданского общества, степень развитости его структур. Один из создателей теории демократического транзита Дэнкварт Растоу считал, что успешный переход к демократии связан со способностью гражданского общества содействовать достижению «согласия элит», которое создает предпосылки для разрешения конфликтов на основании демократических «правил игры», признаваемых всеми сторонами [1, с. 12].

Для политической теории проблема гражданского общества и его соотношения с государством не является новой. Восходя к политико-юридической мысли Античности, идея гражданского общества и сейчас доказывает свое непрерывное движение, постоянное изменение, совершенствование. Не останавливаясь на экскурсе в историю учений о гражданском обществе в эпоху Античности, Средневековья, Нового времени, отметим, что идея гражданского

общества в виде первой современной *теории* высокоразвитого и сложного социального устройства наиболее успешно была изложена Гегелем в его «Философии права».

Возрождение и переосмысление идеи гражданского общества после некоторого спада внимания к ней с середины XIX в. до второй половины XX в. произошло в середине 1970-х годов, в ходе «третьей волны» демократизации. В странах Латинской Америки, Южной, Центральной и Восточной Европы идея гражданского общества выполняла особую ценностно-нормативную функцию и использовалась демократическими силами как лозунг для мобилизации в ходе сопротивления авторитарным режимам. В других случаях вытеснение риторики гражданского общества произошло под влиянием дискредитации методов его построения. Лозунги гражданского общества стали обслуживать некоторые из новых идеологий, в частности популизм, хотя социальные предпосылки демократического общества остаются несовместимыми с популистской политикой. Не менее актуальными оказались такие проблемы, как благосостояние населения, кризис идентичности, преодоление социальных и национальных конфликтов и др. На этом фоне проблемы демократии, а вместе с ней и гражданского общества, отошли на второй план. Более того, во второй половине 1990-х годов в дискуссиях политологов появились утверждения о завершении «третьей волны» демократизации. С другой стороны, формирование гражданского общества по-прежнему представляется как желательное направление социальных изменений в странах догоняющего развития.

В Советском Союзе о необходимости формирования гражданского общества и правового государства отечественные ученые заговорили во второй половине 1980-х годов, то есть в период перестройки. Вначале это были публикации, направленные на развитие теории и практики социализма, в которых рассматривались вопросы демократизации работы Советов, упрощении структуры госаппарата, децентрализации управления и таком перераспределении функций и полномочий, которое обеспечило бы максимальную инициативу и самостоятельность мест. Иначе говоря, речь шла о правовом государстве и формировании гражданского общества в условиях социалистических отношений. На рубеже 1980–1990-х годов появляется все больше и больше публикаций, в которых утверждается, что строительство правового государства и гражданского общества невозможно в командно-административной, авторитарной системе СССР, оно возможно только в условиях рыночных отношений. При этом многие исследователи обращали внимание на практику западных обществ, и прежде всего США.

Вместе с тем западные ученые, в отличие от отечественных, не торопятся форсировать концептуальную разработку этих понятий. Так, в комплексном монографическом исследовании по проблемам гражданского общества, проведенном Институтом мировой экономики и международных отношений РАН в 1995–1996 гг., было рассмотрено состояние разработки проблем гражданского общества в зарубежной и российской общественной мысли во второй половине XX в. Авторы исследования пришли к выводу, что в современной западной литературе по проблемам гражданского общества наблюдается «какая-то несоразмерность между бесспорной значимостью темы и довольно скромным научным

материалом, который по ней наработан... солидных работ на эту тему, вышедших в последние 15 лет, можно назвать немного...» [2, с. 38]. Справедливости ради следует возразить подобному утверждению. На наш взгляд, книга американских профессоров Джина Л. Коэна и Эндрю Арато «Гражданское общество и политическая теория», изданная в 1992 г. в Массачусетсе и в 2003 г. в России, представляет собой важнейший вклад в разработку современной теории гражданского общества. Эти авторы справедливо сетовали на то, что «...до сих пор так и не создана систематическая *теория* гражданского общества» [3, с. 24]. Впрочем, и спустя 15 лет эта проблема остается нерешенной.

В современной литературе понятие «гражданское общество» трактуется неоднозначно. Ни в современной науке, ни в политической практике нет общепринятого его определения. И все же чаще всего его содержание включает всю совокупность неполитических отношений в обществе, то есть экономических, социальных, в том числе национальных, духовно-нравственных, религиозных и т. д., составляющих жизненную основу политической системы, государства. Еще в современном истолковании этого понятия можно выделить две важнейшие тенденции. Во-первых, оно трактуется не как экономическая и даже не социологическая, а как прежде всего политическая категория, в прямой связи с теорией демократии. Отсюда следует, что гражданское общество, хотя и находится за пределами государства, не существует вне политики, не исключается из политического пространства. Во-вторых, это понятие используют часто не столько для описания реального положения дел в так называемых странах либеральной демократии, сколько для критики положения, то есть в качестве нормативного понятия. В последней четверти XX в. понятие гражданского общества, до того надолго забытое, возродилось в политической науке Запада сначала в связи с критикой тоталитарных режимов, а затем в связи с критикой самого западного общества, которое также далеко от совершенства, причем в плане именно демократии. В результате возникли новые концепции гражданского общества, отличающиеся от тех, которые разрабатывались на заре демократии в XIX–XX вв. В современной политической науке существует не одна, а несколько моделей гражданского общества, и еще понять надо, какая из них больше подходит для российского общества.

Из множества определений гражданского общества нам импонирует развернутое определение, данное американским политологом Ф. Шмиттером: «Под гражданским обществом понимается совокупность или система самоорганизующихся медиаторных (посреднических) групп, которые:

– относительно независимы как от органов государственной власти, так и от внесударственных единиц производства и воспроизводства, то есть от фирм и семей;

– способны планировать и осуществлять коллективные акции по защите/достижению своих интересов или устремлений;

– не стремятся при этом подменить собой ни государственные структуры, ни частных (вос)производителей или же принять на себя функции по управлению политией в целом;

– но согласны действовать в рамках уже сложившихся «гражданских» или правовых норм» [4, с. 16].

В последнее время зарубежными и российскими политологами много говорится о переоценке концепции гражданского общества и делается вывод о том, что оно может способствовать упрочению демократии лишь в том случае, если следует определенным правилам. Одним из таких правил, чаще всего нарушаемых в России, является установление здоровых, взаимопользительных отношений диалога между гражданским обществом и властью. Сторонники концепции гражданского общества очень часто рассматривают в качестве одного из важнейших условий усиление его роли в общественно-политическом развитии, соответствующее ослабление государства и уменьшение влияния институтов государственной власти. Для многих представителей либерально-демократических сил борьба за гражданское общество как бы отождествляется с борьбой против государства. Подобное понимание отношений гражданского общества и власти характерно для либералов России. Данное явление имеет, конечно, свои глубокие исторические корни. Многовековая российская история безраздельного господства властных структур способствовала формированию взгляда на государство и гражданское общество как на непримиримых противников. В таком контексте довольно естественным оказывается стремление построить отношения гражданского общества с властью на принципах «игры с нулевой суммой», когда сила и успех одного возможны при слабости и поражении другого.

Однако в рамках демократической системы отношения государственной власти и гражданского общества должны строиться на иных принципах. Гражданское общество существует и функционирует в диалектически противоречивом единстве с государством. При демократическом режиме оно взаимодействует с государством, при тоталитарном – стоит в пассивной или активной оппозиции к государству. Высокоразвитое гражданское общество выступает основой стабильности государства, и, если государство начинает «шататься», его надежно подпирает прочная структура гражданского общества. Выражая и отстаивая интересы граждан, защищая их от государства, гражданское общество само по себе не способно удовлетворить значительную часть требований масс. Это может быть сделано только государством. Как подчеркнул Президент РФ Д. Медведев в своем первом Послании Федеральному Собранию, сильное государство, а не всевластная бюрократия «нужно гражданскому обществу как институт развития и поддержания порядка, для защиты и укрепления демократических институтов» [5]. В рамках демократического устройства государство не должно ставить своей целью подавление гражданского общества, а должно видеть его специфическую роль в создании демократии.

С другой стороны, гражданское общество должно быть заинтересовано в существовании не просто «ограниченного», то есть не вытягивающего все жизненные соки из общества, государства, но и государства сильного, к которому можно не только адресовать требования, но и от которого можно ожидать, что благодаря своей силе оно эти требования способно удовлетворить. Отказ общества от отношений с государством, основанных на принципах «игры с нулевой суммой», предполагает и утверждение соответствующей компромиссной культуры этих отношений. Гражданское общество не должно злоупотреблять узкоэгоистическими требованиями. Оно должно быть озабочено сохранением баланса между интересами общества в целом и интересами отдельных институтов и

секторов гражданского общества в частности. С этой точки зрения специалисты, пишущие о недостатках современной российской системы как о проявлении слабости гражданского общества, объясняемой спецификой «гражданской культуры» и трудностями становления независимой гражданской активности, вскрывают лишь часть проблемы. В действительности же гражданское общество трудно складывается в России не только из-за особенностей общественного сознания, но и из-за состояния государства, из-за его слабости и неспособности удовлетворить интересы граждан. Без этого гражданское общество «вращается вхолостую», порождая разочарования людей в возможностях гражданской активности или же их желание найти некую антидемократическую альтернативу. В Послании Федеральному Собранию РФ Д. Медведев назвал негативные последствия, порожденные недоверием обществу со стороны государственной бюрократии, выражающиеся в ее стремлении поставить под контроль СМИ, «кошмарить» бизнес, вмешиваться в избирательный процесс, давить на суды: рост коррупции, массовый правовой нигилизм, торможение развития институтов инновационной экономики и демократии [5].

Как показывает опыт взаимоотношений государственных и гражданских институтов как в прошлом, так и в настоящем, между ними постоянно возникает большее или меньшее напряжение. Власть, которая осознает значимость гражданского общества, должна быть готова не только к тому, что оно будет сотрудничать с ней, но и к тому, что оно будет оппозирующей силой, создающей порой критическую ситуацию для властных структур и бюрократии. В какой форме может и должен вестись этот диалог? Для этого, собственно, и существуют гражданские права. Без соблюдения права граждан на свободу собраний, митингов, демонстраций, объединений, референдумов и пр. диалог между ними и государством практически невозможен. Соответственно, гражданское общество должно располагать и независимыми от государства органами печати и средствами массовой информации, способными выражать и доносить до власти его мнения и настроения.

В подавляющем большинстве работ зарубежных и отечественных исследователей, посвященных становлению гражданского общества, во многом вопрос о его эффективности рассматривается в связи с проблемой выстраивания институционализированных механизмов реального взаимодействия государства и гражданского общества.

Одним из важных компонентов развитой институциональной системы самого гражданского общества выступают группы интересов. Исторический опыт показал, что эти группы занимают такое положение в обществе и его отдельных сферах, при котором их так или иначе затрагивают принимаемые государством решения, в силу чего они просто обязаны включиться в управление. Более того, эти группы фактически владеют важными ресурсами, и поэтому нередко через их деятельность формальные основания власти приводятся в действие с властью фактической. Так что деятельность данных групп – это не просто давление на власть сверху, сбоку или снизу, а механизм иерархического согласования решений, перераспределения власти путем заключения сделок между бюрократией и немногими привилегированными группами. В умении создавать объединения подобного рода видел А. Токвиль первооснову общественной

жизни, а «прогресс всех остальных ее сторон зависит от прогресса в этой области» [6, с. 381].

Группы интересов можно рассматривать как первый шаг на пути социальной институционализации гражданского общества и его диалога с властью. На основе групп интересов как первичного или базового формирования возникают другие организационные структуры. Они окончательно закрепляют процесс складывания гражданского общества. Институционализация приобретает тем самым «необратимые» черты конституционализации.

Уровень автономности организованных групп интересов выступает одним из важнейших измерений либеральности той или иной политической системы. Только свободные, независимые от государства граждане, вовлеченные в социальные и политические взаимодействия и объединяющиеся в соответствующие организации, создают гражданское общество. Как подчеркивают западные исследователи, «активная включенность общественности в разнообразные группы интересов подготавливает благодатную почву для развития демократии» [7, с. 129]. Зрелость гражданского общества и демократизм политической системы А. Галкин ставит в прямо пропорциональную зависимость от широты и интенсивности взаимодействия между ними [8, с. 23].

В условиях нынешней российской действительности, характеризующейся тем, что не оформились еще до конца массовые групповые интересы и их структура находится в стадии своей затянувшейся институционализации, политическая система, прежде всего ее государственная подсистема, не получает действенной поддержки от институтов нарождающегося гражданского общества. Да и на путях активной деятельности элементов гражданского общества все еще остаются главные препятствия государственного происхождения – в первую очередь несовершенство законодательной базы, наличие государственного корпоративизма, коррумпированность государственной бюрократии. Особенно много возражений среди специалистов вызывает несовершенство Закона о некоммерческих организациях, тормозящего, по признанию президента Всероссийской организации приватизируемых и частных предприятий (ВОПиЧП) Г. Томчина, реформы в области здравоохранения, образования, спорта в силу своей невнятности [9]. Действия властей по ужесточению контроля за деятельностью НКО, игнорирование Госдумой инициатив Общественной палаты по экспертизе законопроектов сузили рамки функционирования структур гражданского общества.

Тем не менее следует признать, что, несмотря на существенные трудности, некоторые элементы и структуры гражданского общества функционируют уже сегодня, обеспечивая становление демократии, динамической политической стабильности, эффективной экономики. Российский «третий сектор» начинает «созревать» до выполнения функций общественного контроля за теми сферами деятельности бюрократии, бизнеса, партий, парламента, судов, СМИ и всех других социальных институтов, которые касаются прав и интересов российских граждан. В сложных условиях работают всероссийские сети правозащитных, экологических, женских, молодежных организаций, обществ защиты прав потребителей, объединения независимых журналистов, комитетов солдатских матерей, объединения предпринимателей, профсоюзы и др. Вообще объединений

гражданского общества стало больше, они охватывают все большие слои населения России, но они по-прежнему очень слабо взаимодействуют друг с другом. Разумеется, одно только наличие негосударственных организаций и учреждений еще никак не свидетельствует о появлении и состоятельности гражданского общества. Справедливым кажется утверждение Р. Саквы о том, что само по себе существование многочисленных групп интересов отнюдь не является свидетельством наличия плюралистической системы, так что, как он считает, «далевская модель полиархии уравнивающих друг друга интересов пока еще не применима к России» [10, с. 72]. Действительно, на современном этапе развития гражданское общество в России представляет собой не целостную систему, а совокупность объединений, которой присуща «эфемерная имитация гражданской активности атомизированного общества» [11, с. 62].

Группы интересов отличаются исключительным разнообразием, объединяя широчайший спектр организаций и общностей самого различного характера и свойства. При тех или иных поворотах в общественно-политическом развитии спектр этот еще более расширяется либо, напротив, резко сужается. Одновременно и сами группы интересов претерпевают весьма существенную эволюцию. Иначе говоря, группы интересов – это самый динамичный и в то же время самый непостоянный элемент институциональной структуры гражданского общества, гибко реагирующий на все происходящее в нем.

По своей структуре российское гражданское общество неоднородно: в нем есть и то, что государство хочет видеть как механизм взаимодействия с обществом, и то, что возникает в обществе как такой же механизм взаимодействия с государством, но по инициативе самого общества, и то, что не связано с государством непосредственно, что появляется в обществе для общества. Государство помимо «приручения» независимых общественных структур порой прибегает к методу имитации. Власть создает организации и полностью определяет правила, по которым они функционируют, но сама постоянно их нарушает и вмешивается в деятельность организаций, лишая их какой бы то ни было автономности (например, элементы имитации присутствовали при формировании общественных палат федерального и регионального уровней, некоторых молодежных движений и др.).

Дальнейшее углубление процесса посткоммунистической трансформации в России все же с неизбежностью обуславливает поиск приемлемых форм взаимоотношений государства и гражданских объединений. При путинском руководстве власть начала острее понимать необходимость выстраивания диалога с гражданским обществом. Первая такая попытка была предпринята в 2001 г. при созыве I Гражданского форума, на который приехало около 4000 представителей организаций со всей страны. В итоге «сформировался ограниченный пакт о ненападении и возникли каналы коммуникации с верховной властью» [12]. После этого прошли малые гражданские форумы во многих российских регионах. Однако большого эффекта подобная инициатива власти не принесла. Гражданские инициативы стали втискиваться в выстраиваемую властью «вертикаль». И только через 4 года Кремль снова решил провести II Гражданский форум, на котором в качестве основной была предложена идея Общественной палаты как своеобразная компенсация за отступление от демократии по важнейшим

направлениям (в частности, выражавшееся в отмене всенародных выборов губернаторов, выборов депутатов Госдумы от округов). В некоторых регионах были воссозданы общественные палаты, существовавшие еще в ельцинские времена, в других – созданы заново (и те, и другие скорее напоминают расширенный партхозактив при губернаторах с участием представителей общественности), заработали общественные региональные советы и общественные приемные в федеральных округах.

Неоднозначную реакцию среди политологов вызывает организация и деятельность созданной по инициативе власти Общественной палаты РФ. Одни оценивают ее позитивно, как новую широкую демократическую площадку для откровенного диалога между общественными структурами, между обществом и государством, как «важнейший инструмент оздоровления всей политической жизни нашего государства» [13, с. 65]. Другие авторы с большим скепсисом рассматривают эту инициативу как «попытку бюрократии взять под свой контроль все то, что принято считать институтами гражданского общества» [14, с. 34]. Сдержанную позицию в этом вопросе, с которой вполне можно согласиться, демонстрирует один из авторов отечественного фундаментального труда «Политология: Лексикон» Т.П. Лебедева: «Конечно, государство не должно строить «сверху» гражданское общество или напрямую контролировать и командовать его институтами... Гражданское общество заинтересовано в покровительстве и защите государства, но лишь в той мере, в какой будет неукоснительно выполняться требование невмешательства в независимое функционирование гражданского общества. Российское государство может и должно воздействовать на процесс формирования гражданского общества, на рост его структур...» [15, с. 109].

Не подлежит никакому сомнению, что свободное гражданское общество сможет развиваться только тогда, когда его станут создавать «снизу» сами граждане, осознающие необходимость становления его эффективных институтов с точки зрения продвижения и защиты общественных интересов. Выступая на I Гражданском форуме В. Путин особо подчеркивал, что он считает «абсолютно непродуктивным, практически невозможным и даже опасным создавать гражданское общество “сверху”», поэтому перед властью в этом отношении в качестве первоочередной стоит задача «сформировать максимально благоприятную среду для его (гражданского общества. – *Н.И.*) развития» [16]. А в своем последнем Послании Федеральному собранию (2007 г.) он среди основных целей стратегического развития страны выделил «формирование дееспособного гражданского общества», призвал к налаживанию диалога с ним, сообщил о финансовой государственной поддержке общественных организаций на текущий год в размере 1250 млн. руб., что в 2.5 раза больше, чем в предыдущем году [17]. Материальная и организационная поддержка структур гражданского общества со стороны государства и бизнес-структур, разумеется, важна, но, как отмечают некоторые исследователи, она может обернуться изменением природы большинства НКО, «превращением их в инструменты контроля над обществом, а не наоборот. Да и странно было бы ожидать, что носители власти или капитаны бизнеса будут стимулировать активность тех, кто будет их контролировать за их же деньги», – резонно считает С.Н. Пшизова [18, с. 422–423].

Граждански активную часть российского общества волнует вопрос: когда же произойдет утверждение развитого, сильного гражданского общества? По мнению некоторых российских исследователей, перспективы его весьма проблематичны, поскольку слаба его духовная опора (не укоренились пока в сознании большинства россиян фундаментальные идеи гражданского общества – об индивидуальных правах, о законе, о свободе, о равенстве и др.) (см. [19, с. 294; 20, с. 313]). А это представляет собой наиболее консервативную часть социума, с трудом поддающуюся быстрой трансформации. По категорическому мнению других, даже в среднесрочной перспективе появления такого уровня гражданского общества в России, к сожалению, ожидать не приходится [21, с. 12]. Разумеется, рассчитывать на ближайшую перспективу развитого гражданского общества в России, которое делает пока свои первые шаги, было бы неоправданно и непродуктивно. Механизм взаимодействия институтов гражданского общества и государства находится на начальной стадии своего формирования. Но все же следует иметь в виду, что российская цивилизация, как минимум, не содержит в себе запретительных условий для развития гражданского общества.

Позиция Президента РФ Д. Медведева на этот счет, если судить по его заявлениям и первым шагам (в основу его внутреннего курса поставлен человек и его права, принят Национальный план по борьбе с коррупцией, в Госдуме уже внесен пакет законопроектов на этот счет, есть намерение привлечь к законотворческому процессу представителей НПО, Общественной Палаты), вселяет надежды на благоприятную перспективу для утверждения сильного гражданского общества.

Summary

N.P. Ignatiev. Dialogue Institutionalization of Political Power and Civil Society in Contemporary Russia: Problems, Perspectives.

Democratic transit achievements are measured by the state of the civil structures' development, and institutionalization of its interaction with political power. The goal of this paper is to reveal this final statement. The article deals with civil society system and the place therein occupied by a group of interests strengthening its formation process. The positive steps in consolidation of a civil society and political power are determined during the presidential period of V. Putin. But on the way of the fruitful dialogue in contemporary Russia, as it is shown in the article, there are a lot of obstacles, dating back to Russian history or stemming in authorized wishes of the government, and in the cultural grounds of Russian citizens. Overcoming them, as the author points out, is an urgent problem in the future development of Russia, and a concern of both civil society structures and the new political leadership of our country.

Key words: civil society, groups of interests, democratic transit, political power, political system, political institutions, legal state.

Литература

1. *Растой Д.А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полит. исслед. (Полис). – 1996. – № 5. – С. 5–15.

2. *Перфильев А.М.* Гражданское общество. Исторический обзор теорий. – М.: Наука, 1999. – 389 с.
3. *Джин Л. Коэн, Арато Эндрю.* Гражданское общество и политическая теория / Пер. с англ.; общ. ред. И.И. Мюрберг. – М.: Весь мир, 2003. – 784 с.
4. *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. – 1996. – № 5. – С. 16–27.
5. Послание Президента России Д. Медведева Федеральному Собранию РФ 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/11/05/poslanie-kremlin.html>.
6. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке / Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1992. – 559 с.
7. *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
8. *Галкин А.* Размышления о политике и политической науке. – М.: Оверлей, 2004. – 278 с.
9. *Томчин Г.* Игры в гражданское общество [Электронный ресурс] // Инф.-аналит. период. портал «ТОМCHIN.RU». – 2008. – 12 февр. – Режим доступа: <http://www.tomchin.ru/tomchin/analytic/7803.html>, свободный.
10. *Саква Р.* Режимная система и гражданское общество в России // Полис. – 1997. – № 1. – С. 61–82.
11. *Пантин В., Лапкин В.* Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного общества: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 52–63.
12. *Аузан А.* Экономические основания гражданских институтов. [Электронный ресурс]. – 2004. – 19 мая. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2004/05/19/auzan.html>.
13. *Галкина Е.В.* Гражданское общество и толерантность на Юге России // Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия / Отв. ред. А.Ю. Сунгуров. – М.: Рос. ассоциация полит. науки (РАПН); Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. – С. 56–81.
14. *Чернышов Ю.Г.* Общественная палата: «симулякр» или институт гражданского общества в России? // Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия / Отв. ред. А.Ю. Сунгуров. – М.: Рос. ассоциация полит. науки (РАПН); Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. – С. 33–43.
15. *Лебедева Т.П.* Гражданское общество // Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – С. 103–110.
16. Выступление Президента России В. Путина на открытии Гражданского Форума 21 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civilforum.ru/forum/openplenum/85321.html>.
17. Послание Президента России В. Путина Федеральному Собранию РФ 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml>.
18. *Пишцова С.Н.* Res publica Corporationum. Заметки на полях книги С.П. Перегудова «Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений» // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004 г. – М.: Рос. полит. энцикл., 2004. – С. 416–427.
19. *Грунт З.А.* Гражданское общество в России: возможно ли? // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация в России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 286–298.

-
20. *Хлопин А.Д.* Гражданское общество versus социум клик // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация в России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 299–315.
 21. *Шестопал Е.* Проекция реальности: определенности и варианты // НГ-Сценарии. – 2007. – № 9 (80). – 23 окт.

Поступила в редакцию
23.09.08

Игнатъев Николай Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Казанского государственного университета.

E-mail: *Nikolai.Ignatiev@ksu.ru*